Філасофія

А. А. МИХАЙЛОВ

ЗАВЕРШАЮЩИЙ АККОРД КРИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И. КАНТА

(к 200-летию выхода в свет работы «Критика способности суждения»)

Если правомерно говорить о «судьбах» философских произведений, то следует признать, что «Критике способности суждения» повезло меньше других кантовских работ. Внимание, которое уделено кантоведением заключительной «Критике», значительно уступает масштабам исследования «Критики чистого разума» или «Критики практического разума». Это объясняется отчасти существованием крайне распространенной точки зрения, в соответствии с которой в данном произведении мы имеем дело с якобы достаточно частной философской проблемой — анализом своеобразия эстетического опыта. С другой стороны, в отсутствии адекватных представлений относительно основных интенций работы в определенной степени оказалась повинной некоторая непроясненность ее отдельных фрагментов. Сложилось положение, при котором, как отмечает Хайдеггер, влияние «Критики способности суждения» на философскую традицию основывалось до сих пор лишь на недоразумениях [1].

Еще в меньшей мере повезло этому произведению в отечественных философских исследованиях. Даже на фоне недостаточной исследованности в нашей литературе наследия И. Канта в целом (как, впрочем, и многих других чрезвычайно важных аспектов философской традиции) поражает отсутствие должного внимания к работе, которую многие зарубежные кантоведы оценивают как наиболее значительную в его творчестве [2]. Следовало бы помнить при этом и о том, что идеи заключительной «Критики» оказали значительное воздействие на становление взглядов Фихте, Шеллинга и Гегеля, эстетические концепции Шиллера, Шлегеля, Гельдерлина, Гете и Шопенгауэра. Произведение привлекло внимание молодого Ницше, который намеревался посвятить свою диссертацию анализу телеологической системы Канта, повлияло на развитие концепций философии жизни Дильтея и Зиммеля, продолжает оставаться в центре дискуссий по проблемам современной философской герменевтики.

Трудности, с которыми сталкивается русскоязычный читатель работы, начинаются уже с ее названия, поскольку оборот «способность суждения» недостаточно корректно воспроизводит смысл кантовского «Urteilskraft». Как явствует из немецкого текста, Кант с достаточной отчетливостью говорит о существовании в семействе высших познавательных способностей (Vermögen) опосредующего звена — «силы» (Kraft) суждения [3]. Правомерно предположить, что отнюдь не случайно, выделяя три способности души, он использует для обозначения понятия «способность» наряду с «Vermögen» синоним «Fähigkeit», а не немецкий эквивалент понятия «сила» (как это может показаться, если исходить из не-

точного русского перевода)[4]. Как известно, термин «Urteilskraft» играет определенную роль уже в «Критике чистого разума», где выполняет функцию связи между конститутивным принципом и данностью предметов опыта, а также в «Критике практического разума», в которой с его помощью обнаруживается целостность, позволяющая оценивать характер поступков. Однако и в том, и в другом случае специфическая природа самого принципа «Urteilskraft» не разъясняется автором. Только в заключительной «Критике» Кант приступает к осмыслению проблемы, достаточно существенно модифицируя ее содержание. Характерным при этом является то, что, следуя традиции, утвердившейся со времени Лейбница и Вольфа, немецкий мыслитель проводит различие между пассивностью «способности» как «чистой возможности» и активностью «силы» как деятельностной потенции — тем, что обладает творческой креативной природой и способствует в процессе человеческой деятельности превращению возможного в действительность [5].

Таким образом, замысел Канта заключается в том, чтобы закрепить за понятием «Urteilskraft» смысл, выражающий высшую «законодательствующую способность души», несводимую к ее отдельным составляющим. Он обращается тем самым не просто к одной (пусть даже и крайне специфической способности человеческой субъективности), но к тому, что выступает в качестве основания для «оживления познавательных сил субъекта»[6].

Следует ли говорить о том, что анализ столь глубинной и неисследованной предшествующей философской мыслью проблематики оказался связанным с такими затруднениями, которые сам Кант оказался не в состоянии преодолеть? В тексте работы он неоднократно ссылается на трудности, возникающие при осмыслении того, что, по его мнению, «так запутала сама природа», выражает надежду на возможность оправдания «некоторой неясности» в решении проблемы, полагая, что совсем избежать ее невозможно [7].

С подобного рода затруднениями мы сталкиваемся, как полагает Кант, когда имеем дело с эстетическими «оценками» (Beurteilungen)[8] прекрасного или возвышенного в природе или искусстве. Такие оценки являются характерным случаем, осмысление которого позволяет пролить свет на природу самого принципа «способности суждения».

Таким образом, наряду с «теоретической» и «практической» установкой по отношению к объектам, находящим свое выражение в «познании» («Erkenntnis») и «деятельности» («Handeln»), возможна также и другая —«эстетическая» установка. С выяснения своеобразия этого эстетического отношения, его места и роли в целостной человеческой субъективности и начинается работа.

В полном соответствии с духом философской традиции Кант обращается к выявлению специфики эстетического отношения субъекта к объекту, обосновывая правомерность эстетической установки наряду с теоретической и практической. В работе предпринимаются усилия по разграничению теоретической, практической и эстетической форм деятельности субъекта. Но результатом этих усилий является нечто большее: в процессе этого разграничения Кант сталкивается с такими проблемами, попытка разрешения которых в конечном счете приводит к существенным модификациям выдвинутой им концепции трансцендентальной философии.

Уже в первых параграфах «Критики» Кант указывает на специфику эстетического суждения, которое он называет также «суждением вкуса», отмечая, что оно «не есть познавательное суждение» и «ничем не содействует познанию». В то время как в процессе познания мы посредством рассудка соотносим наши представления с объектом, эстетическое суждение коренится в субъекте, точнее говоря, в «чувстве удовольствия или неудовольствия» [9].

На первый взгляд, мы имеем дело с восходящей к античной философии констатацией идеи разграничения сфер истины, добра и красоты

и соответствующих им типов установок человеческой субъективности. Если бы это было действительно так и Кант воспроизводил бы в своей работе платоновскую концепцию онтологической обособленности этих сфер, то эстетическое суждение представляло бы собой необходимый элемент, который позволяет обозначить деятельность человеческой субъективности в ее целостности и существует наряду с теоретическим (познавательным) и практическим (нравственным) суждениями. В действительности же, как показывает Кант, все обстоит намного сложнее. Совершенно неправомерно обесценивать прекрасное, как это пытался сделать Платон, или подчинять его добру (Плотин). Прекрасное обладает самоценностью и играет такую роль в целостности человеческого опыта, что устоявшиеся представления о природе последнего должны быть переосмыслены в свете анализа эстетического суждения. Подлинное значение и смысл кантовской третьей «Критики» заключается, однако, в том, что анализируемая в ней проблематика в существенной мере модифицировала характер «коперниканского переворота», который был осуществлен Кантом в философии, и при том в такой степени, что самые сокровенные идеи «Критики способности суждения» оставались вне поля зрения последующей философской традиции вплоть до недавнего времени. Так, например, обращая внимание на серьезные упущения, связанные с интерпретацией основных положений последней «Критики», допущенные послекантовской философией, Г. Праус приходит к выводу о наличии серьезных последствий этих упущений для всей тональности последующей немецкой классической философии [10].

Детальный анализ такого рода последствий — задача, решение которой еще предстоит нашей философии. Укажем в этой связи лишь на один аспект традиционной оценки философии Канта. Речь идет о пресловутом дуализме кантовского учения, усматриваемом в противопоставлении мира чувственного и сверхчувственного, разума теоретического и практического. На неправомерность утверждения, согласно которому «учение Канта разлагается в этом дуализме», обращал внимание еще Виндельбанд. По его мнению, существование непреодолимой пропасти между царством природы и царством свободы опровергается в кантовской философии «фактом человеческого сознания, которое, при посредстве своей объединяющей функции, чувствует себя одинаково своим в обоих мирах» [11].

Поскольку, однако, лейтмотивом философии Канта является требование практического разума, выражающееся в подчинении мира чувственного миру нравственному, отмечает Виндельбанд, возникает вопрос о том, каковы необходимые и общезначимые формы, посредством которых мы можем мыслить царство природы подчиненным царству свободы. Так как это подчинение не может быть функцией познания, не соприкасающегося с нравственным миром, Кант задается вопросом о возможности существования в субъекте **силы**, определяющей природу **отношения** к предмету опыта, силы, которую он обозначает посредством термина Urteilskraft и которая, по его мнению, выступает в качестве глубинного принципа человеческой субъективности.

Кант обращает внимание на то, что неправомерно было бы усматривать в эстетической установке пассивное состояние субъективности, чистую созерцательность, предрасполагающую лишь к ощущению удовлетворения (Wohlgefallen). Поскольку только исходя из себя самого субъект устанавливает эстетическое отношение к объекту, эстетическая установка, преодолевающая «теоретическую» и «практическую» заинтересованность и будучи недетерминируемой внешними факторами, должна обладать неким особым видом активности, спонтанностью, выявление природы которой требует обращения к субъекту.

Примечательным при этом является то, что эстетическая установка реализуется не благодаря существованию какой-либо особой способности субъективности. Она является результатом деятельности субъекта в целом, оживлением его познавательных сил. К тому же мы имеем де-

ло в этом случае с активностью более высокого уровня, активностью, преодолевающей первоначальную вовлеченность субъекта в «заинтересованные» отношения с объектом и позволяющей объекту предстать как таковому.

Свобода эстетической установки субъективности выступает таким образом противовесом «практицизму» ориентации сознания, являясь высшим проявлением его имманентных сил. Применительно к этой установке способность суждения предстает как a priori законодательствующее правило и доказывает **автономию** субъекта. На первый взгляд может показаться странным, что Кант, столь настойчиво отстаивающий субъективную природу эстетических суждений, обнаруживает наличие в них априорных, не зависимых от опыта, общезначимых форм. Однако a priori, с которым мы сталкиваемся в данном случае, существенно отличается от трактовки a priori в первой и второй «Критиках». В центре внимания последней «Критики» не «эстетические суждения, но право высказывания критического суждения (das Recht des kritischen Urteilens) в сфере эстетического». То обстоятельство, что, в отличие от высказываний в сфере науки и нравственности, эстетические суждения являются не подлежащими аргументации и доказательству и тем не менее претендуют на всеобщую значимость, свидетельствует об обострении философского интереса к «субъективному чувству Я эстетического опыта», к проблеме связи субъективности с ее притязанием на всеобщность и необходимость [12].

С другой стороны, в данном случае мы сталкиваемся не просто с автономией, которая может быть уподоблена «автономии рассудка в отношении законов природы или автономии разума в отношении практических законов свободы». Ее значимость обнаруживает себя необъективно: через понятия о вещах или возможных поступках. Эта принципиально иная автономия, лежащая в основании эстетической установки, является «чисто субъективной», определяет «закон не природе и не свободе, а исключительно самой себе»[13]. Своеобразие такого рода законодательства обозначается Кантом при помощи особого термина — «геавтономии»— состояния субъективности, характеризующегося высшей степенью свободы. Из этого следует, однако, вывод, что эстетической установке отнюдь не присуща пассивность, находящая выражение в состоянии «**спокойного** созерцания»[14].

Возникает вопрос о том, насколько правомерно подобного рода заключение, поскольку Кант характеризует эстетическую установку при помощи терминов «удовольствие» (Lust) и «удовлетворение» (Wohlgefallen), на первый взгляд как будто бы характеризующих субъективность в ее пассивном состоянии «спокойного созерцания».

Как отмечает Праус, в ряде мест своего произведения Кант с достаточной отчетливостью предостерегает против такой оценки эстетического. Об этом свидетельствует и несколько необычное для него высказывание в § 6 «Критики», где речь идет о том, что субъект чувствует себя «совершенно **свободным**» в отношении «удовлетворения, которым он наделяет предмет» («des Wohlgefallens, welches er dem Gegenstande widmet»)[15]. Как видим, и на сей раз в русском переводе (см. Т. 5. С. 212) оказываются невоспроизведенными те смысловые оттенки оригинала, которые были восприняты Праусом в качестве ключевых в контексте его интерпретации кантовского произведения. Казалось бы, отмечает Праус, необычность этой формулировки кантовской мысли заключается в том, что «удовлетворение», точно так же, как и «удовольствие», есть нечто «чувственно-пассивное», то, что можно испытывать или нет, но во всяком случае не «наделять» им. Однако именно то, что Кант в этом случае подчеркивает «свободу» субъекта, помогает прояснить имплицитный смысл употребления «widmen»: «При этом обнаруживается не что иное, как та свободная активность, которая лежит в основании эстетической установки и которая обладает очевидным превосходством над всяким удовлетворением как чем-то чувственно-пассивным. То, что в этом и за-

ключается его подлинная точка зрения, подтверждает и сам Кант, когда обращает внимание на то, что эстетической установки по отношению к предмету мы достигаем благодаря «свободе, позволяющей нам самим себе сделать что-то предметом удовольствия»[16].

Следовательно, когда Кант, характеризуя суждение вкуса, говорит об «удовольствии» (Lust) или «удовлетворении» (Wohlgefallen), он имеет в виду выявляемое в ракурсе трансцендентальной формулировки проблемы специфически эстетическое измерение «удовольствия» или «удовлетворения», порождаемое свободной активностью субъективности. Благодаря свободе, имманентной нашей субъективности, мы должны прежде всего нечто «сделать» предметом эстетической установки с тем, чтобы иметь возможность испытывать по отношению к нему чувство удовольствия. Стало быть, эстетическое отношение субъекта к объекту ни в коей мере не рассматривается Кантом как предопределяемое объектом. Оно становится возможным в результате дистанцирования субъекта по отношению к объекту, реализуясь в процессе преодоления практической вовлеченности, присущей познанию и практической деятельности. Будучи детерминированным самим субъектом, эстетическое отношение является результатом высшего напряжения его активности, свободных творческих сил. По-видимому, в этом и заключается причина того, что Кант обращается к понятию «Kraft» (сила), которое обозначает в структуре субъективности нечто существенно более важное, чем просто способность «Vermögen»[17].

Такое предположение подтверждается и высказыванием Канта на последних страницах работы, в котором он уподобляет эстетическое чувство по глубине и степени воздействия на человека религиозному: «И восхищение красотой, и умиление перед многообразными целями природы, которые в состоянии чувствовать размышляющая душа еще до ясного представления о разумном творце мира, имеют в себе нечто сходное с **религиозным** чувством»[18].

Таким образом, в заключительной «Критике» Канта предпринимается не просто попытка дополнить проект трансцендентальной философии недостающим для целостности системы фрагментом. Имеются достаточные основания предполагать, что немецкий мыслитель обращается в этой работе к проблеме, которую он лишь обозначает в последних строках введения к «Критике чистого разума», когда говорит о возможности существования общего корня двух основных стволов человеческого познания. Это находит подтверждение и в том, что Кант в своем обращении к анализу деятельности субъекта, «каузальности человека», по существу, пытается осмыслить **онтологические** основания человеческой субъективности, автономной и самодостаточной в такой степени, что природа и направленная на нее активность выступают в качестве сферы, достаточно второстепенной и случайной по сравнению с задачей самоосуществления человека. В итоге теоретический, практический и эстетический акты субъективности предстают перед нами лишь модификацией свободной и продуктивной спонтанности, ибо «независимо от того, о каком бы виде человеческой деятельности ни шла речь, все нити сходятся к способности суждения. Она является тем, что в соответствии с рассудком, разумом или самой собой обозначает рамки трансцендентального горизонта, в котором объекты воспринимаются как познаваемые, максимы — как нравственные и произведения искусства как прекрасные»[19].

Способность суждения предстает тем самым в роли своего рода трансцендентального конструктора всех синтетических суждений a priori. Она выполняет столь специфическую функцию в структуре субъективности, что возникает сомнение в правомерности критических замечаний Гадамера в адрес основных идей «Критики способности суждения», в которой он утверждает, что Кант отказывает суждению вкуса во всяком познавательном значении [20].

Действительно, Кант в своем произведении неоднократно отмечает, что суждение вкуса не есть познавательное суждение. Однако не следу-

ет ли предположить, что преднамеренная несоотнесенность опыта прекрасного с познавательным опытом должна пониматься в соответствии с духом кантовской «Критики» в ином смысле? Кант обращает внимание на то, что с теоретическим знанием **такой** опыт, природу которого он исследует, не может быть отождествлен, ибо в данном случае речь идет о большем — выявлении глубинных основ природы человеческой субъективности.

Публикация «Критики способности суждения» знаменует собой завершающий этап создания критической системы Канта. Отныне целостность трансцендентальной философии получает свое основание в соответствующей ей целостности опыта и всей человеческой субъективности. Посредством рефлектирующей способности суждения обозначается идея целесообразного единства всего живого, которая в то же время представляет собой решение задачи по созданию всеобъемлющей системы философского мышления, претендующего на обнаружение единства данного. Выдающаяся заслуга Канта заключается в том, что в стремлении к этой целостности особенное, конкретное не было принесено им в жертву всеобщности системы. Одним из уроков, который мог бы быть воспринят последующей философской традицией в большей мере, чем это, к сожалению, имеет место, является наделение индивидуального такого рода самодостаточной ценностью, которая не позволяет подчинять его всеобщей и безличной закономерности. Современному философскому мышлению еще предстоит извлечь надлежащие выводы из этого урока.

[1] Heidegger M. Nietzsche. Pfullingen, 1961. Bd. 1. S. 125.

[2] См.: Bartuschat W. Zum systematischen Ort von Kants Kritik der Urteilskraft. Frankfurt am Main, 1972; Riedel M. Urteilskraft und Vernunft. Frankfurt a/M., 1989; Schrader G. The status of teleological judgement in the critical philosophy // Kant-Studien, 1953—1954. Bd. 45. S. 204.

[3] См.: Kant I. Kants Werke. Berlin, 1968. Bd. 5. S. 177.

[4] См.: Кант И. Соч. В 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 175.

[5] См.: Hoffmeister J. Wörterbuch der philosophischen Begriffe. Hamburg, 1955. S. 362—363.

[6] Kant I. Kants Werke. Bd. 5. S. 222.

[7] См.: Кант И. Соч. Т. 5. С. 166—167, 165.

[8] Вновь приходится констатировать, что неточность перевода искажает смысл кантовского высказывания. Русский перевод термина «Beurteilung» как «суждение» (См.: Кант И. Соч. Т. 5. С. 165) игнорирует то, что Кант, приступая к характеристике Urteilskraft, усматривает наличие сходного принципа в эстетических оценках. В английском издании работы «Beurteilung» переводится более точно: «estimate» (См.: Kant I. The Critique of Pure Reason. The Critique of Practical Reason. The Critique of Judgement. Chicago; London; Toronto, 1952. P. 462). Кстати, в «Критике чистого разума» (См.: Кант И. Соч. Т. 3. С. 128) этот термин переводится правильно.

[9] См.: Там же. С. 203, 204.

[10] См. об этом подробнее: Prauss G. Kant uber Freiheit und Autonomie. Frankfurt am Main, 1983. S. 313.

[11] См. Виндельбанд В. История новой философии. СПб., 1905. С. 122.

[12] Höffe O. Immanuel Kant. München, 1983. S. 265—266.

[13] Кант И. Соч. Т. 5. С. 130.

[14] Там же. С. 253.

[15] Kant I. Kants Werke. Bd. 5. S. 211.

[16] Prauss G. Kant über Freiheit und Autonomie. S. 294—295.

[17] О значении этого ключевого для европейской философской традиции понятия, восходящего к аристотелевскому dynamis см.: Heidegger M. Aristoteles. Metaphysik Θ 1—3 Vom Wesen und Wirklichkeit der Kraft. Frankfurt am Mein, 1981.

[18] Кант И. Соч. Т. 5. С. 523.

[19] Pieper A. Freiheit und Kunst. Zum Konzept einer transzendentalen Asthetik // Philosophisches Jahrbuch. 1989. Jg. 96. Hbd. 2. S. 245.

[20] См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1989. С. 86.